

В. М. Брезгунова**Черкасское землевладение в Воронежском крае в 1630—1690-е годы**

В XVII веке территории Воронежского края были вовлечены в широкие колонизационные и миграционные процессы. Именно в это время в различных населенных пунктах края были размещены выходцы из Речи Посполитой — черкасы. Российское государство принимало их на службу, выдавало жалованье и наделяло целым комплексом земельных угодий. Статья посвящена рассмотрению черкасского землевладения. Данный вопрос ранее затрагивался исследователями в контексте изучения других проблем, и отдельной работы по этой теме пока нет. Источники, касающиеся черкасского землевладения в Воронежском крае в 1630—1690-е годы, можно условно разделить на три категории: о наделении переселенцев землей, пользовании ею и о разнообразных конфликтах, возникавших из-за угодий. Черкасы получали землю большими группами, и в статье проведено сопоставление размеров их угодий в различных населенных пунктах. Сделан вывод о стремлении государства обеспечить черкас землей, соблюдая при этом интересы и других категорий населения.

Ключевые слова: Воронежский край, переселение, черкасы, землевладение, XVII век.

Одним из важных процессов XVII века, затронувших территории Юга России, примерно соответствующие современному Центральному Черноземью [5, с. 24], а в их числе и Воронежский край, стало широкое переселение из Речи Посполитой в Россию украинцев (черкас). Особенно активизировались эти процессы после Смоленской войны. Миграция больших групп населения была сопряжена с трудностями не только перехода, но и расселения, обеспечения всех этих людей средствами к существованию. Российское государство было заинтересовано в том, чтобы украинские переселенцы шли на царскую службу и участвовали в защите южных рубежей. За это они получали денежное и хлебное жалованье и земельные угодья; власти старались обеспечить черкас всем необходимым для налаживания быта и ведения хозяйства [1, с. 90].

Вопросы черкасского землевладения затрагиваются Д. А. Ляпиным в его очерке о малороссийской колонизации. Он отмечает, что некоторые украинские переселенцы получали в России крупные земельные наделы, что приравнивало их к местным помещикам и делало частью уездных служилых корпораций. Другие же получали статус, близкий к служилым людям по прибору [11, с. 236]. Также он касается указанной темы в статье «Служилое население городов Юга России в середине XVII века», где относит черкас к служилым землевладельцам наряду с детьми боярскими и казаками [12, с. 160]. А. И. Папков в одной из своих статей отмечает, что черкасы, которые были поселены на Поле, получали землю и наравне с русскими людьми начинали нести службу [14, с. 57]. Детальному изучению землевладения в Воронежском крае в XVII веке посвящает свои исследования Е. В. Камараули, но при этом наделения черкас землей она практически не касается [10]. А. А. Гоголева в своей монографии рассматривает разрешение земельных вопросов острогскими городскими воеводами и черкасскими полковниками, она обращает внимание на важность четкого межевания земель, так как именно это вызывало частые споры между русскими служилыми людьми и черкасами [6, с. 63]. В. М. Важинский в работе по материалам южных уездов России «Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке» отмечает, что черкасы наделялись землей на обычном служило-надельном праве, как и русские приборные чины, вместе с ними и на одинаковых с ними условиях [2, с. 148]. Таким образом, черкасское землевладение в Воронежском крае в XVII веке рассматривалось в контексте изучения других проблем, отдельной работы по этому во-

© Брезгунова В. М., 2018

просу нет. Заметим, что источники дают возможность условно выделить три основных сюжета по данной теме: наделение земель, землепользование и разрешение конфликтов, возникающих в ходе этого процесса. И такая последовательность рассмотрения проблемы черкасского землевладения в Воронежском крае в 1630—1690-е годы представляется универсальной и наиболее логичной.

Необходимо отметить, что черкасские угодья представляют собой целый комплекс земель. Представление об этом дает челобитная от 31 июля 1641 г. ста пятидесяти человек воронежских черкас атамана Антона Тимофеева, которые по царскому распоряжению были устроены в воронежских угодьях в Борщевском стане в селе Костенки «дворовыми и огородными местами и землею и санными покосами и всякими угодьями владеть». Причем челобитная посвящена требованию черкас получить удостоверяющий это документ — выпись «на дворовые усадьбы и на огороды и на пашню и на санные покосы и на всякие угодья» [15, л. 380]. Широкий состав и разноплановость земельных угодий связаны с потребностями и особенностями ведения черкасами своего хозяйства, причем такой способ наделения земель единой большой группы практиковался государством именно в отношении служилых людей «по прибору». Как отмечает В. Н. Глазьев, стрельцам, полковым казакам, пушкарям пашня отводилась в общей меже в отличие от служилых людей «по отчеству» — детей боярских, получавших землю порознь, и земельное жалованье приборных служилых людей включало не только пашню, но и места под дворы, луга, лес, рыбные ловли [4, с. 38].

Согласно выписке из строельной книги города Острогжска за 1653 г., тысяча переселившихся в Россию «нововыезжих» черкас полковника Ивана Дзиньковского были устроены пашенной землей «с русской стороны реки Сосны меж Ольшанска и Коротояка» [21, л. 1]. Невольно возникает вопрос о размере выделявшихся земельных угодий, и ответ на него мы находим в челобитной 1676 г. «Острогжского города казаков черкас». В этом документе говорится, что тысяче острогжских украинских переселенцев было дано «за выход пашенные и под огородные земли и отъезжие земли восемь тысяч двести двадцать четвертей в поли, а в дву по тому ж» [23, л. 1]. Таким образом, получается, что всего черкасам было выделено 24 660 четвертей земли, т.е. на каждого острогжского черкаса в среднем приходилось по 24,66 четверти земли. Кроме того, им также отводились санные покосы, рыбные ловли и всякие угодья.

Исследователи обычно указывают в своих работах размер выделяемой той или иной категории служилых людей земли в четвертях, отводимых под пашню, т.е. тогда нужно говорить о том, что на одного острогжского черкаса приходится 8 четвертей пашни. Подтвердить этот вывод о размере выделяемой земли можно по еще более позднему документу конца XVII века — челобитной острогжских казаков об отводе им свободного участка земли [13]. Там они пишут, что «отведена им... по Рускую сторону реки Тихой Сосны подгородной и отъезжей пашенной земли по осми чети человеку в поли, а в дву потому ж». И весьма примечательным там является замечание острогжских черкас о том, что этой пашенной земли по сравнению с землянскими черкасами им отведено «малое число», и поэтому им сложно прокормить свои семьи. Таким образом, из источника следует, что земельный надел острогжских черкас был меньше, чем у землянских. Но в одной из своих статей Владимир Павлович Загоровский касается именно этого аспекта, он пишет, что весной 1662 г. в Землянске появляется драгунский голова Орлова Савелий Хомицкий с подьячим Максимом Васильевым, и именно они отводят землянским черкасам землю под пашню в размере «по 8 четвертей человеку в поле, а в дву потому ж», то есть по 24 четверти каждому, всего получили земли 850 черкас с семьями [9, с. 40]. При этом исследователь особо отмечает, что норма по 8 четвертей «в поле» (при трехпольном

севообороте измерялась лишь одна треть пашни, одно из трех «полей») для южнорусских служилых людей была минимальной. Как мы видим, размеры черкасских земель в Острогжске и Землянске совпадают, но тогда почему в источнике черкасы пишут, что у землянских наделы были больше? Возможно, землянские черкасы позже получали еще какие-то дополнительные земельные угодья, которые по источникам нами не отслеживаются, или же сопоставлением с землянскими черкасами острогжские хотели подчеркнуть свое малоземелье, что также вполне возможно.

Чуть раньше, в 1652 г., в Ольшанске также были размещены нововыезжие черкасы, всего около 200 человек. По строельной книге они все вместе были наделены землей «по двадцать чет человеку в поли в дву потому ж» [18, л. 2], те же самые математические расчеты приводят нас к среднему показателю 60 четвертей на каждого ольшанского черкаса. Обращает на себя внимание то, что украинские переселенцы получали землю большими группами — в Острогжске 1000 человек, в Ольшанске — 200 человек. О. В. Скобелкин в своей статье о «приборных» служилых людях сообщает, что они изначально получали землю не лично, а сразу на весь контингент той или иной службы всего города [26, с. 61]. В. М. Важинский отмечает близость землевладения черкас и приборных служилых людей, по его данным, дачи сотникам чаще всего составляли 30, полковым казакам — 20, мещанам — 8 четвертей земли на человека [2, с. 149]. Этой схеме вполне соответствуют численные показатели землевладения острогжских, землянских и ольшанских черкас, и мы полностью согласны с мнением исследователей.

Интересно было бы сравнить размеры черкасских земельных наделов с таковыми же у других служилых групп. Так, В. М. Важинский в своем исследовании приводит таблицу поместных дач Белгородского полка в конце 90-х годов XVII века по 50 уездам, где проживали русские дети боярские, и следующие средние показатели: поместья от 40 четвертей составляли 70,5%: от 41 до 70 четвертей — 18,6%; от 71 до 150 — 9% и выше — 1,9% [2, с. 124]. Для сравнения: воронежские стрельцы наделялись землей по следующему принципу: пятидесятники получали по 10 четвертей земли в одном поле (при трехпольной системе землевладения — 30 четвертей), десятники по 9 четвертей в поле, рядовые стрельцы по 8 четвертей [3, с. 26]. Можно заметить, что размеры черкасских земельных владений в количественном отношении находятся где-то между показателями приведенных выше категорий служилого населения.

Строельная книга города Ольшанска дает примеры размеров наделения землей под «дворовое строенье» — «длины по двадцать сажень поперек по десяти сажень», это примерно 43,2 метра на 27,6, итого площадь участка составляет 1149 м². Точно такой же размер составляли и отведенные напротив дворовых места под гумно. Эти данные вполне можно сопоставить с тем, что в 1660 г. селитренному уговорщику Тимошке Малчевскому дано в Острогжске «на дворовое строение земля в длину двадцать три сажени поперек одиннадцать сажень» [22, л. 1], что составляет 1180 м² и вполне сопоставимо с размерами дворовых угодий ольшанских черкас. Такие размеры наделов могут быть связаны с двумя важными факторами. С одной стороны, это отвечало стремлению царской администрации обеспечить своих людей с помощью земли, а с другой, не менее важной — это позволяло расширить освоение огромных массивов плодороднейших черноземов.

Отчасти связано с наделением острогжских черкас землей и устройство различных необходимых городских объектов. Так, кроме всего уже перечисленного, переселившиеся в Острогжск в 1652 г. украинцы получили в пользование «полошщед для осадного времени и пожарного разорения и для приезду торговым всяких чинов руским людем и черкасом к торгом и ярмаркам» [20, л. 3]. В документе подчеркивается то, что площадь была отведена именно черкасам, а «не руским... людем потому что их в то число кроме

стрельцов и пушкарей сведенцов и в посаде никого не было», вопросы межевания земель и их неправомерного захвата становятся в дальнейшем почвой для периодически возникающих конфликтов. Источники, касающиеся межевания земель, как, например, «Описная и мерная книги на земли черкасского сотника Ивана (Павлова), Артема Стахова с товарищами в Земляном уезде» 1691 г. [8, л. 1—3], отличаются подробнейшим описанием географических объектов. Можно сказать, что подьячие не просто устанавливали границы и отводили участки, а проводили целый «сыск» со сбором показаний всех причастных лиц, так как одну и ту же реку разные люди могли называть иначе.

Таким же важным для черкас объектом, как площадь в городе, являлась и мельница в селе, строительство которой было важным и коллективным делом. Так, в селе Ендовище в 1653 г. Федор, Мартин и Гаврила Яковлевы, «села Ендовища нововыезжие черкасы» [19, л. 1], составили с атаманом, сотником, есаулом и со ста семьдесятю пятью рядовыми черкасами того же села целый договор об условиях постройки и пользования мельницей, что дает вполне четкое представление не только о важности ее появления в селе, но и о совместной черкасской собственности.

Вполне закономерен вопрос о том, что происходило с землей и имуществом черкас после их попадания в плен к татарам или смерти. Оставшиеся в 1641 г. без мужей жены черкас города Корочи с детьми подают челобитную царю с просьбой оставить их во дворах и выделить какое-то содержание, так как они остались без средств к существованию. Интересна в челобитной жалоба черкасских жен на то, что «которые... черкасские дети по твоему государеву указу верстаны во мужей наших место и нынча... те черкасские дети нас силой сирот из дворишков наших высылают» [16, л. 241]. То есть после того как с черкасами на государевой службе что-либо случилось, их дворы, а, как можно предположить, также земли и другие угодья передаются набранным на их места черкасам. По источникам того же периода важность наличия документов на земли подтверждается челобитной двадцати пяти воронежских черкас, которые пишут, что в 1638 г. им даны земли и сенные покосы, и на все эти угодья у них есть «государева грамота». Причем челобитная посвящена конфликтной ситуации, которая, как представляется, является вполне типичной для этого периода. Черкасы пишут царю, что «завладели у нас холопей твоих сенными покосы... воронажцы дети боярские Трофим Михнев да Иван Немой с товарищи своим нахальством» [17, л. 86]. Примерно то же содержание у более поздней челобитной острогожских черкас 1676 г.: они жалуются, что русские стрельцы и пушкари «завладели пашенною землею и сенные покосы», и просят администрацию помочь им вернуть все обратно [23, л. 2].

Необходимо отметить, что государство не только заботилось о наделении черкас земель и обеспечении всем необходимым, но и следило за соблюдением прав собственников, причем одинаково относилось ко всем категориям населения. Так, летом 1683 г. царским указом предписывалось на реке Лиске «воронежским и коротояцким служилым людям с боршевскими крестьянами с монастырской земли в тех урочищах избы и дворы сломать, что построили острогожские черкасы» [7, л. 1—2]. Черкасы самовольно захватили земли, и подьячий воронежской съезжей избы К. И. Куренбин должен был выполнить требования Посольского приказа. Впредь украинцам запрещалось там строиться и ловить рыбу [6, с. 137].

Порой царские распоряжения по вопросам наделения земельными угодьями нарушали не только обычные люди, но и сами администраторы. Так, в 1680 г. подали челобитную царю «Острогожского города полковые казаки черкасы» на острогожского воеводу Алексея Соковнина, который, воспользовавшись их отсутствием из-за службы, отдал пожалованные им «луга и сенные покосы острогожскому старцу Игнатию да протопопу

Василею да Девича монастыря старцом неведома по какому указу». И черкасы от такой несправедливости и «насилства оскудали и обеднели и без корму лошади и животина с голоду помирает» [24, л. 3]. Еще один пример самоуправства: в селе Перлевке землянский воевода в 1692 г. передал пустое черкасское дворовое место не черкасу Острогожского полка, а русским людям городской службы, чем вызвал незамедлительную реакцию и недовольство черкасского полковника Ивана Сасова [25, л. 1—2].

В заключение можно сказать, что заинтересованное в несении черкасами пограничной службы правительство наделяло их целым комплексом земельных угодий: по источникам прослеживаются дворовые, гуменные, пашенные, огородные, отъезжие земли, а также сенные покосы. Связано это, как уже отмечено выше, с характером черкасского хозяйствования. Царская администрация стремилась к обеспечению законности пользования землями и соблюдению всех прав их владельцев, хотя это происходило не без случаев самоуправства со стороны местных администраторов. На основе материалов о черкасском землевладении в Воронежском крае можно сделать вывод о том, что именно земля становится одним из самых важных средств обеспечения служащих Российскому государству черкас.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ № 18-09-00313А.

Список использованных источников и литературы

1. Борщик Н. Д. Участие украинцев в заселении Курского края в XVII веке // Пятые Дамиановские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 2008. С. 89—93.
2. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж : Воронеж. гос. пед. ин-т, 1974. 237 с.
3. Глазьев В. Н. Воронежские стрельцы и их роль в экономическом развитии края в XVII веке // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма : сб. статей. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. С. 23—33.
4. Глазьев В. Н. Государство и аграрное освоение Центрального Черноземья в конце XVI — первой половине XVII в. // Власть и общество: история взаимоотношений : материалы Десятой региональной науч. конф. Воронеж, 19 марта 2016 г. Воронеж : Истоки, 2016. С. 38—39.
5. Глазьев В. Н. Особенности социальной структуры населения и административного устройства южной окраины России XVI—XVII веков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 24—32.
6. Гоголева А. А. Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII — начале XVIII в.: городские воеводы и черкасские полковники. Воронеж : Истоки, 2008. 207 с.
7. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-182. Оп. 2. Д. 125.
8. ГАВО. Ф. И-289. Оп. 2. Д. 37.
9. Загоровский В. П. Возникновение г. Землянска и заселение Землянского уезда в XVII веке // Из истории Воронежского края : сб. статей. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. Вып. 6. С. 36—50.
10. Камараули Е. В. Итоги аграрного освоения Центрального Черноземья в первой трети XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 80—89.
11. Ляпин Д. А. Ритуалы власти: очерки социально-политической истории России раннего Нового времени. М. : Верстовой, 2014. 387 с.
12. Ляпин Д. А. Служилое население городов Юга России в середине XVII века // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2016. № 6-3 (85). С. 159—162.
13. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып. 5. Акты XVII и XVIII столетий. Воронеж, 1885. № 163. С. 296—298.
14. Папков А. И. Расселение украинцев на южной окраине России в конце XVI — первой половине XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 10 (150). С. 47—70.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 140.
16. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 158.
17. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 168.
18. РГАДА. Ф. 852. Оп. 1. Д. 1.
19. РГАДА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 1.

20. РГАДА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 61.
 21. РГАДА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 3.
 22. РГАДА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 11.
 23. РГАДА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 167.
 24. РГАДА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 172.
 25. РГАДА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 329.

26. Скобелкин О. В. Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во 2-й половине XVII в. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 58—65.

Поступила в редакцию 03.07.2018

Брезгунова Виктория Михайловна, аспирант
 Воронежский государственный университет
 Российская Федерация, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
 E-mail: bvm1792@mail.ru

UDK 94(470.324):332.2“16”

V. M. Brezgunova

Cherkassy's land ownership in Voronezh region in the 1630—1690's

Voronezh region was involved into huge colonization and migration processes during the XVII century. During this period, emigrants from Polish-Lithuanian Commonwealth — cherkassy were settled in several communities of the region. Russian government took them into service, provided them with salary and land. The research is focused on the questions of cherkassy's land ownership. This problem was analyzed by the research community only in the context of studying other research topics, so there is no special scientific work, dedicated to the problems of cherkassy's land ownership. Historical sources, illustrating cherkassy's land ownership in Voronezh Region during the 1630—1690's, can be divided into three categories: about providing settlers with land, about land using and about conflicts over land. Only as a group Cherkassy could be given land by the Government. The author compares the size of cherkassy's land estates in different communities. The author makes the conclusion that the State tended to respect the interests of the other population groups, when it provided cherkassy with land.

Key words: Voronezh region, migration, cherkassy, land ownership, XVII century.

Brezgunova Viktoriya Mikhailovna, Postgraduate student
 Voronezh State University
 Russian Federation, 394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1
 E-mail: bvm1792@mail.ru

References

1. Borshchik N. D. Uchastie ukraintsev v zaselenii Kurskogo kraja v XVII veke [Participation of Ukrainians in the settlement of the Kursk region in the XVII century]. *Pyatye Damianovskie chteniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Fifth Damian readings: materials of All-Russia sci.-pract. conf.]. Kursk, 2008, pp. 89—93. (In Russian)
2. Vazhinskii V. M. *Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke* [Land tenure and the formation of a community of fellow-villagers in the 17th century]. Voronezh, Voronezh. gos. ped. in-t Publ., 1974. 237 p. (In Russian)
3. Glaz'ev V. N. Voronezhskie strel'tsy i ikh rol' v ekonomicheskom razvitii kraja v XVII veke [Voronezh Archers and their role in the economic development of the region in the XVII century]. *Istoriya zaseleniya i khozyaistvennogo osvoeniya Voronezhskogo kraja v epokhu feodalizma: sb. statei* [History of settlement and economic development of the Voronezh region in the era of feudalism: a collection of articles]. Voronezh, Voronezh. un-t Publ., 1987, pp. 23—33. (In Russian)

4. Glaz'ev V. N. Gosudarstvo i agrarnoe osvoenie Tsentral'nogo Chernozem'ya v kontse XVI — pervoi polovine XVII v. [The state and agrarian development of the Central Chernozem region in the late XVI — first half of the XVII century]. *Vlast' i obshchestvo: istoriya vzaimootnoshenii: materialy Desyatoi regional'noi nauch. konf. Voronezh, 19 marta 2016 g.* [Power and Society: The History of Relations: Materials of the Tenth regional sci. conf. Voronezh, March 19, 2016]. Voronezh, Istoki Publ., 2016, pp. 38—39. (In Russian)
5. Glaz'ev V. N. Osobennosti sotsial'noi struktury naseleniya i administrativnogo ustroystva yuzhnoi okrainy Rossii XVI—XVII vekov [Features of the social structure of the population and the administrative structure of the southern outskirts of Russia XVI—XVII centuries]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya — Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 2013, no. 1, pp. 24—32. (In Russian)
6. Gogoleva A. A. *Mestnaya vlast' v Ostrogozhskom uезде vo vtoroi polovine XVII — nachale XVIII v.: gorodovye vovody i cherkasskie polkovniki* [Local authority in the Ostrogozhsky County in the second half of the XVII — beginning of the XVIII century: city governors and Cherkassy colonels]. Voronezh, Istoki Publ., 2008. 207 p. (In Russian)
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti* [State Archives of the Voronezh Region] (GAVO). F. I-182. Op. 2. D. 125.
8. GAVO. F. I-289. Op. 2. D. 37.
9. Zagorovskii V. P. Vozniknovenie g. Zemlyanska i zaselenie Zemlyanskogo uезда v XVII veke [The emergence of Zemlyansk town and the settlement of the Zemlyansk county in the 17th century]. *Iz istorii Voronezhskogo kraja: sbornik statei* [From the history of the Voronezh region: a collection of articles]. Voronezh, Voronezh. un-t Publ., 1977, is. 6, pp. 36—50. (In Russian)
10. Kamarauli E. V. Itogi agrarnogo osvoeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v pervoi treti XVII v. [Results of the agricultural development of the Central Chernozem region in the first third of the XVII century]. *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy* [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe]. 2016, no. 1, pp. 80—89. (In Russian)
11. Lyapin D. A. *Ritualy vlasti: ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii Rossii rannego Novogo vremeni* [Rituals of power: essays on the socio-political history of Russia in the early modern era]. Moscow, Verstovoi Publ., 2014. 387 p. (In Russian)
12. Lyapin D. A. Sluzhiloie naselenie gorodov Yuga Rossii v seredine XVII veka [Served population of cities of the South of Russia in the middle of the XVII century]. *Novaya nauka: Problemy i perspektivy*, 2016, no. 6-3 (85), pp. 159—162. (In Russian)
13. *Materialy po istorii Voronezhskoi i sosednikh gubernii. Vyp. 5. Akty XVII i XVIII stoletii* [Materials on the history of the Voronezh and neighboring provinces. Is. 5. Acts XVII and XVIII centuries]. Voronezh, 1885, no. 163, pp. 296—298. (In Russian)
14. Papkov A. I. Rasselenie ukraintsev na yuzhnoi okraine Rossii v kontse XVI — pervoi polovine XVII v. [Settlement of Ukrainians on the southern outskirts of Russia in the late XVI — first half of the XVII century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki — Tambov University Review. Series Humanities*, 2015, no. 10 (150), pp. 47—70. (In Russian)
15. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts] (RGADA). F. 210. Op. 12. D. 140.
16. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 158.
17. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 168.
18. RGADA. F. 852. Op. 1. D. 1.
19. RGADA. F. 1149. Op. 1. D. 1.
20. RGADA. F. 1149. Op. 1. D. 61.
21. RGADA. F. 1149. Op. 2. D. 3.
22. RGADA. F. 1149. Op. 2. D. 11.
23. RGADA. F. 1149. Op. 2. D. 167.
24. RGADA. F. 1149. Op. 2. D. 172.
25. RGADA. F. 1149. Op. 2. D. 329.
26. Skobelkin O. V. Sluzhilye lyudi yuzhnogo frontira: osobennosti zemlevladieniya, zemel'noi i soslovnoi politiki gosudarstva vo 2-i polovine XVII v. [Servicemen of the southern frontier: features of land ownership, land and estate policy of the state in the second half of the XVII century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya — Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 2013, no. 1, pp. 58—65. (In Russian)